

Ви Корс

Туман и Молния

Часть V

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ви Корс

Туман и Молния. Книга V

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Корс В.

Туман и Молния. Книга V / В. Корс — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

Продолжение нашумевшего эротического приключения - Туман и Молния. Он растает. На самом деле, ему очень трудно – в нём борются человек и демон, и непонятно, как после стольких войн в нём сохранился романтик. Он отдаст тебе свою любовь, всю, без остатка, и ты узнаешь, всю страсть демона и всю нежность, на которую способен человек. Содержит нецензурную брань.

«Вы все-таки не смогли удержаться. Вам не следовало вызывать его, вы ведь знаете, чего он добивается. Смиритесь с необходимостью круто изменить свою жизнь. ПУТИ НАЗАД У ВАС УЖЕ НЕТ...» – видят Боги, я больше не в силах читать их книги! Они меня пугают! Засуну их на дальнюю полку и больше не притронусь!

Мы вернулись в замок, и я продолжаю свою грустную летопись событий...

Тол и Эса скандалят, не переставая, другие пытаются не обращать на них внимания, но порой они начинают орать так громко, что просто нет сил слушать эти бесконечные вопли. Они затываются только при Ареле. А он всё реже и реже выходит из своих комнат...

Смотреть на него страшно, он совсем сдал...

Мне кажется, он ничего не ест и не пьёт, только колется...

Карина в который раз бросила его, и уехала в «Верхний»...

Я столкнулся с ней, когда она уезжала, она была настроена решительно:

– Пока, Вил, – сказала она. – Не знаю, встретимся ли мы ещё с тобой, может, если только за стенами этого замка. Я уезжаю! Я не могу помочь Арелу. Не могу и не хочу. Не собираюсь пытаться его вытаскать, это безнадежное и неблагодарное занятие! Пусть делает что хочет! Мне жаль Вил, не думай, что я бросаю его в трудную минуту, хотя... может так оно и есть. Ну и пусть! И мне не стыдно, я должна подумать и о себе тоже... Я не знаю, как ему помочь! Как ему помочь, если он сам этого не хочет! Ты знаешь?

Я грустно покачал головой...

– Тогда тебе здесь нечего делать тоже! – сказала она. – Уезжай, пока они снова не потребовали от тебя сотворить какую-нибудь гнусность!

Я ответил:

– Карина, я не могу! Если я брошу замок, кто же будет заботиться о людях? О простых несчастных людях, живущих в нём... Управляющий Арела, самый настоящий садист, он служит здесь, ещё с тех времен, когда был жив отец, и то, как он обращается с рабами...

Она посмотрела на меня так странно, мне показалось немного с удивлением, и я смутился. – Сейчас, пользуясь тем, что Арелу не до этого... Думаю, мне удастся изменить некоторые правила...

– Удачи! – бросила она. – И если что-то понадобится... Моя помощь...

– Спасибо Карина! Благословят тебя Боги!

Она не дослушала... Она больше ничего не сказала. Она просто ушла. А Арел, похоже, ничуть не расстроился, мало того, сидя за ужином, и не притрагиваясь к еде, он сказал заносчиво, и в полной уверенности: «Она вернётся! Ни куда она не денется!»

И в этот момент мне хотелось треснуть его по дурной башке!

Конечно... Я больше не считаю Карину прекрасным и невинным ангелом... После всего того, что узнал о ней... Как наивен и глуп я был! Но всё же... Несмотря на все те ужасные поступки, которые она совершила...

Она совершила их, спасая свою жизнь... И это немного оправдывает её в моих глазах... хотя, наверное, более честно... Более честно было бы умереть! Но она всего лишь слабая девушка... Она поддалась этому соблазну... Нет, нет, я её не оправдываю... Отдаться врагу... Но когда я вижу её... Вижу, как необыкновенно она красива... Её прекрасные глаза... Ей можно простить всё! И Арел должен был быть счастлив, что такая девушка рядом! На руках её носить...

Нет! Не хочу больше писать о них...

Эрики вмешивается в мои дела и мешает мне... Только кто-то один должен отвечать за людей! А Эрики похоже, больше забавляется командуя ими, чем действительно приносит им какую-то пользу.

Я рассказал это Арелу.

– Каких людей? – спросил он.

Меня всегда поражала эта его способность не видеть никого вокруг себя! Он живёт в мире, в котором вместе с ним живут только: Никто, Лис, Энрики, Тол и Косой. Всё! Больше никого!

Я напомнил ему, что беженцы пытаются обжечь разорённые Чёрным Беем улицы, а это не просто, в условиях зимы и эпидемии!

Тогда он, кажется, немного понял, о чём я...

Я рассказал ему, что больше половины людей покинули нас...

Одни отправились обратно на восток, благо «красные» немного поутихли...

Другие, разбрелись по «Нижнему» городу, и осели на других улицах...

Но те, что остались, несмотря на трудности, уже восстановили несколько домов, и начали строить новые.

Я сказал, что мне очень помог Никто, тем, что отдал в моё распоряжение своих «нечистых» полукровок солдат. Они здорово помогают на стройке.

Сначала я очень боялся эпидемии, – сказал я, – особенно, после того, как услышал что «полукровки», без конца рассказывают какую-то историю про больного воина. Но оказалось, что я волновался напрасно, они говорили всего лишь о каком-то своём очень уважаемом командире, который тяжело заболел, смертельно заболел... Опухоль пожирала его изнутри, причиняя невероятные страдания и муки, он знал, что жить ему осталось не долго, но терпел. Не в силах заснуть ночами, он пытался отвлечься от боли и тяжёлых мыслей за карточным столом и выпивкой... Но это мало помогало... Его желанием было только одно – умереть, как подобает воину от меча, а не от болезни в своей постели...

«Нечистые» полукровки считают, что только так, воин сможет попасть к остальным воинам на том свете...

Но ему не везло, из-за эпидемии все военные действия сошли на нет. А он считал каждый день, и только молил Богов, чтобы они дали ему возможность умереть как воину, и погибнуть от меча! Последнее время он вообще не ложился спать, вообще не подходил к кровати, уже едва стоя на ногах, терпел из последних сил, и всё ждал избавления, и молил Богов...

Я рассказывал это Арелу, и он вдруг поднял голову, поднял глаза, я увидел в его глазах некоторые проблески интереса!

– И избавление пришло! – сказал он, вдруг.

– Да! Откуда тебе это известно! – я был безмерно удивлён.

– Его Бог, спустился с небес и поразило его мечом как воина, – сказал Арел.

Я стоял ошарашенный:

– Ты... Ты тоже слышал эту историю? – спросил я, а он засмеялся, плохо засмеялся, я пугаюсь, когда он вот так смеется...

– Я её и сотворил, – сказал он.

И я увидел его глаза... Страшные глаза... Совсем безумные. Я не мог смотреть в них, не мог видеть этот взгляд... Он смотрит на тебя и словно через тебя. Словно тебя и нет, или ты прозрачный. Такой же взгляд был у его матери, и я захотел поскорее уйти... В конце-концов, Арелу давно уже нет ни какого дела до того, что происходит вокруг...

– Он меня снова провёл, впрочем... как всегда, – сказал Арел, наверное, самому себе, потому что я не понял его слов...

– Вил! – позвал он меня.

И когда я снова подошёл к нему, он сказал:

– Вил, когда меня не станет,ними портрет моей матери со стены, ну ты знаешь... в моей комнате... в спальне. Сними его и открой тайник, он не заперт... давно. Там коробка... Возьми письмо, оно будет лежать на самом верху... я положил его сверху всех остальных документов и там написано большими буквами Вилу Лувену... Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Я понимаю, не надо так разжёвывать мне всё, – сказал я. – Только зачем всё это? Что значит, тебя не станет? Что за глупые мысли?

– Замолчи! – он сказал это резко, в своём командном стиле, и это на мгновение был прежний Арел, и я осёкся...

– Послушай меня! Послушай внимательно! Заботься о людях, заботься хорошенько! Люди, та масса, которая нужна всем, пока ты будешь заниматься ею, кормить, поить и ухаживать, ты будешь полезен. Потому что нужен кто-то, кто бы выполнял эту работу. Это твой шанс остаться. Оставайся полезным!

И это говорил Арел! Которому всегда было наплевать на людей! Я не верил своим ушам! Он наказывал мне хорошенько заботиться о людях! Что происходит с ним?!

Я бы обрадовался, если бы он говорил так раньше... Но сейчас... Сейчас, меня это напугало ещё больше, чем его безумный взгляд!

Где? Где, то блистательное соединение ума, силы и чувства. Где та мощь, которая приводила в трепет любого кто видел его... Слышал его голос... Наблюдал, как просто он держится, при этом всё равно оставаясь не достигаемым... Где всё то, что я так любил, и за что всё прощал?! Ничего не осталось!

Его словно высосали. Видимо все неприятности, которые во многом он сам обрушивал на свою голову, всё же сделали своё чёрное дело, и опустошили его, сломали его... Мне больно смотреть на это!

Что же мне делать?

– В любом случае, я не брошу людей, – сказал я. – Чтобы не случилось, я постараюсь позаботиться о них...

И Арел улыбнулся, (теперь это такая редкость).

– Тогда я спокоен за тебя, – сказал он, и, не произнеся больше ни слова, встал и ушёл...

И мне стало страшно... Страшно за него, за остальных... Пусть они и не очень хорошие люди, но они страдают от этого. Страдают, я точно знаю. Я вижу!

А ведь раньше он не был таким. Не был! Орёл был весёлым, я помню... Он довольно остроумно шутил, язык у него всегда был не плохо подвешен... Он смеялся над шутками других. И мне так хотелось к ним!

Быть с ними вместе, сидеть с ними за одним столом и смеяться, не обращая никакого внимания на остальных. Мне казалось тогда, что они так дружны, так любят друг друга... Настоящие единомышленники! Мне казалось, что вот кому, кому, а уж им то точно никогда не бывает одиноко, потому что они вместе!

Я помню как в один из вечеров, они приехали в «Бакару»... Сели за свой стол... Недалеко у входа... А я сидел у противоположной стены и как раз видел их... Хотя столы в «Бакаре» и отгорожены друг от друга стенками.

Я сидел и смотрел на них, а они ничего особенного и не делали... Просто пили и разговаривали... Я не слышал о чём, в зале было слишком шумно... Кругом галдели подвыпившие посетители, играла музыка... Да и сидел я всё же довольно далеко. Орёл и другие ни на кого не обращали внимания, общаясь в своём тесном кругу. А мне так хотелось, чтобы они меня заметили, обратили на меня внимание...

Я так этого хотел! Я понимал... Где-то в глубине души я понимал... Что этого не случиться... Что я им неинтересен... Абсолютно неинтересен... Но я гнал эти мысли... Жадно пожирая их глазами... Они были вместе... А я был один! И мне было немного грустно от этого... Хотя я и привык к одиночеству...

И всё же, когда я смотрел на них, мне становилось горько... Я так хотел узнать, о чём они говорили...

Они всё время смеялись...

Сейчас-то я понимаю, что смеялись они потому, что наверняка были славно обкуреными... Но тогда я этого не понимал... И как же мне хотелось вот так же беззаботно смеяться вместе с ними!

Им было весело и хорошо друг с другом, я не сомневался в этом... Это было видно... И ещё... Это как-то чувствовалось изнутри... Что им хорошо...

И я завидовал им... Я думал, ценили ли они сами эти чувства, или уже так привыкли к ним, что не ощущали этого счастья...

Счастья быть по-настоящему в единении с кем-то...

И меня словно магнитом тянуло к ним, как я хотел тоже сидеть там!

Моя мечта сбылась...

Я с ними... Но разве я счастлив?

Они меня так и не приняли в свой круг... Да и был ли он?

Не было никакой дружбы и единения, родство души и прочее, всё это чушь! Мои наивные выдумки!

Мои разрушенные иллюзии...

Глава первая. Замок

– Дай! – Орёл приблизился к своему господину, Никто отошёл на несколько шагов назад.

– Дай!

– Нет!

Орёл взвыл, это была смесь ярости и отчаяния. Снова, рывком, чтобы Никто не успел отойти в сторону, бросился к нему. Никто ударил его, легко, не сильно, скорее, просто ради разнообразия, чем, преследуя какую-то цель. Орёл остановился, замер на секунду, словно не сразу сообразив, что с ним только что произошло. Потом рухнул на колени, и, согнувшись, скорчившись у ног Никто, несколько раз стукнулся лбом об пол, благо тот был застелен коврами. Никто попытался отшвырнуть его от себя, но Орёл уже вцепился в него мёртвой хваткой. Хромой Никто едва удержался на ногах. Он несколько раз ударил Орла своей тростью, уже сильнее, чем до этого. Орёл отцепился, остался лежать на полу.

– Дай, – проскулил он.

– Посмотри на себя! Где твоя воля?

Орёл поднял лицо на своего мучителя, облизнул пересохшие губы:

– Я больше не князь. Я раб! У меня нет воли!

Никто с презрением, и в каком-то отчаянии пихнул его сапогом в лицо. Орёл опрокинулся навзничь, но сразу же сел, снова обращая свой взор на такого не оправданно жестокого хозяина.

– Ты просто жалок, – сказал Никто.

Орёл молчал. Молча, он сносил его уничижительный взгляд, то, как холодно Никто оглядывал его. А Никто смотрел на грязные спутанные волосы Орла, на его покрытое красителем лицо, кожа на котором снова начинала шелушиться. Орёл был таким худым, что вообще было странно, как он ещё в силах поднимать меч.

– Мой вид удручает тебя? – спросил Орел, не отводя взгляда, от этих внимательных, но таких холодных светлых глаз. – Что ж, – он обречённо пожал плечами. – Ведь это ты сам сделал со мной, обезобразил, и тело и душу. Я был свободным, а теперь нет. Ты смотришь на свою работу, и видеть меня таким, твоя плата за обладание мною!

– Я этого не хотел, – ответил Никто. – Я этого не хотел, – повторил он, отводя взгляд, отворачиваясь. – Чёрт! Я хотел помочь тебе! А ты умираешь! Умираешь на моих глазах!

– Если ты не дашь мне своего лекарства, я на самом деле умру! Зачем ты мучаешь меня! Почему ты так жесток?! В чём моя вина на этот раз? Что я сделал не так?!

– Я всего лишь хотел помочь, – произнёс Никто как-то грустно и задумчиво. Его голос стал несколько мягче, и Орёл тут же уловив это, в новой отчаянной попытке бросился ему в ноги, откуда только брались силы.

– Мне больно, – жалобно произнёс он.

– Арел, Арел, я не знаю, как вылечить тебя!

– Знаешь! – зарычал Орёл разочарованно и уже со злобой. – Твои лекарства! Твой наркотик! Ты меня сам посадил на него! А теперь не знаешь! А мне что делать? Идти к Косому? Но у него совсем не то, они не приносят мне такого облегчения! А отходняк в два раза сильнее!

– Я не давал тебе наркотик, – Никто запнулся, подбирая слова. – Я не давал тебе наркотик в прямом смысле этого слова.

Орёл взглянул на него с большим сомнением.

– Не смотри на меня так, словно я и вправду исчадие ада, погубившее твою невинную душу! Ты, как твоя мать! Даже ещё хуже, у тебя болезнь начала проявляться раньше, и сильнее! Если бы я не давал тебе эти... Эти успокоительные, время от времени. Всё! Всему конец! Я отсрочил этот момент, настолько, насколько это возможно! Но твоё безумие развивается такими темпами, что его не остановить!

Орёл закрыл лицо, дрожащими руками:

– Как мама, – прошептал он. – Я чувствовал это... Эти приходы, время от времени... Почему ты мне раньше не сказал?

– Я не хотел пугать тебя. Впрочем, я говорил. Я говорил, что ты на грани, но ты меня как всегда не слушал. Не хотел слышать. Как и другие. Я никак не могу донести до вас, то, что действительно хочу сказать. Я на самом деле плохо говорю, по-вашему, вы не понимаете меня!

– Мы и друг друга не понимаем, никто никого не понимает, и не в языке дело.

– Ну, так постарайся понять сейчас. Постарайся понять, что я не желаю тебе зла. Наоборот, я жалел тебя, я смягчал твои приступы, и ты разучился подавлять их сам. Ты больше не хочешь бороться, и я не знаю, как, как вытащить тебя!

– А если, «чёрная вода»?

– Нет! Ты никогда с неё не слезешь! Ты не Лис, в тебе на самом деле мало силы воли, ты легко влипаешь во всё, во что ввязываешься. Ты легко становишься зависимым. Пару рюмок и ты не можешь остановиться, пару уколов и ты готов на всё, чтобы получить ещё. «Вода» тебя погубит за пару недель!

– Но почему так?

– Потому что твой мозг болен!

– Помоги мне! Придумай, что-нибудь, если ты действительно добр ко мне, и не желаешь зла, как говоришь!

– Колоть тебя снова я не стану, больше нельзя, так ты никогда не выберешься. Попробуй переломаться спиртным.

– Не могу я больше! Я начинаю блевать. С едой тоже самое.

– Чё-ё-ёрт, сумасшедший, моих познаний не хватает для тебя, это вырождение, и я почти бессилён.

– Но... Но ты ведь ещё любишь меня?

– О-о-о, о чём ты думаешь?!

– Любишь? – прошептал Орёл тихо, и его голос задрожал.

Никто склонился к нему, обнял, поднимая с пола, сажая на кровать как игрушку, как большую куклу.

– Ну конечно люблю, – сказал он ласково. – И я буду бороться за тебя! Мы ещё повоюем, правда?

Орёл кивнул, не слишком уверенно.

– Ник... Ник, если я, я стану как она... Как мать. Если у тебя ничего не получится, – он сглотнул, вдруг хватая Никто за плечи, впиваясь в него скрюченными пальцами.

– Не у меня, а у нас, ты должен помогать себе сам тоже, – поправил его Никто.

– Хорошо, если у нас ничего не получится, обещай мне... обещай что прикончишь меня. Я не хочу... я ни хочу жить, так, как она!

Никто склонил голову, обнимая его:

– Я обещаю!

Он медленно опустился на пол, на колени перед сидящим Орлом, так, чтобы их лица находились примерно на одном уровне. Взглянул в эти безумные и полные страдания, переделанные карие глаза. Обнял Орла, прижимаясь лицом к его вздрагивающей от прерывистого дыхания груди. Орёл вцепился в его плечи ещё сильнее.

– Я обещаю, – сказал Никто. – Обещаю.

Орёл жадно прильнул губами к заветной фляжке, с чужой, крепкой, терпко пахнувшей жидкостью. От неё не хотелось блевать, она не будоражила мысли, от неё приходило успокоение, всепоглощающее успокоение, граничащее с полным безразличием.

– Какая грубая работа! – покачав головой, сказала Эмба, разглядывая скорчившегося на кровати, и присосавшегося к её фляжке, словно к материнской груди, Орла.

– Если бы твоя мать и сестра увидели это?! Разве так они тебя обучали? – с негодованием в голосе она обернулась к стоявшему за её спиной Никто. – Они бы со стыда сгорели, увидев, что ты наворотил! Я же предупреждала тебя! Говорила что люди хрупкие! Слишком хрупкие! Так нельзя!

– Но ведь он жив, – возразил Никто.

– Скорее ещё жив! И я удивляюсь этому! Удивляюсь, почему он у тебя до сих пор ещё жив! После такой топорной работы! У меня в голове не укладывается... – она вдруг в ужасе от осенившей её догадки, округлила свои не мигающие глаза. – Если только... – отшатнулась от Никто, как от зачумлённого. – Если только, ты не специально это делал!

Никто отвернулся, и не ответил, он подошёл к столу, налил себе в бокал красного вина, и сделал глоток.

– Ты... Ты осознанно жестил с ним! – взгляд Эмбы метнулся по скрюченному телу Орла, и в этом взгляде промелькнула жалость.

– Бедный, – сказала она тихо, потом снова обернулась к Никто. – Если ты сделал это намеренно, то зачем? Твоя жестокость ничем не оправдана!

Держа бокал в руке Никто сел в кресло, всё так же молча, он смотрел на Эмбу, его лицо ничего не выражало, а глаза оставались пустыми.

– Этот человек подчинился тебе, и был идеально покорным и послушным с самого начала. Неужели ты обрекал его на такие муки, просто ради собственного удовольствия? Его и ломать не надо было, а ты ломал! Зачем ты ломал его? Чего ты этим добивался? Ты чудовище! – она снова взглянула на Орла, тот, наконец-то отвалился от её фляжки, громко икнув, поднял на Эмбу мутные глаза.

Она засмеялась своим шипящим смехом:

– Нравится тебе моё лекарство? Да? Видишь, какая я добрая, я не помню зла и обид, – и протянув руку, Эмба потрепала Орла по макушке по спутанным волосам, так небрежно, совсем как своего пса, впрочем, его ошейник давно был на шее Арела.

– Бедняжка. Такой симпатичный, – она с укором взглянула на Никто. – Ты его совсем измучил. Как только ещё лицо не изрезал в куски. Также как себе, – и вдруг она осеклась.

– Так что ты делал с ним? – и голос её изменился, стал ледяным.

Никто молчал.

– Чего ты добивался, ломая послушного раба? Чего? – она приблизилась к Никто вплотную, глядя ему в глаза. Не отводя взгляда от её страшных глаз, Никто медленно поставил бокал обратно на стол.

– Так чего ты добивался от него? – повторила она. – Неповиновения?!

Никто опустил взгляд, и она расхохоталась, легко, как, к примеру, мальчишку-слугу, ударила его по лицу ладонью. И тут же Орёл вскочил на кровати, он не понимал их языка, но видел их действия, и был готов в любую минуту броситься на неё, вцепиться зубами ей в глотку. Но Никто опередил его. Перехватив её руки, он с силой отшвырнул Эмбу от себя. Упав, она ударилась об кровать, зашипела.

– Как жаль, что не ты была, там, в переулке, – сказал Орёл, глядя с кровати на неё сверху вниз.

– Что он говорит, – спросила она.

– Жалеет, что не убил тебя в своё время, – ответил Никто, вставая с кресла.

Эмба нервно рассмеялась:

– Хороший мальчик! Уж ему то и в голову не придёт вредить тебе и портить себя!

– «Покорми» его, – приказал Никто, и сделал шаг по направлению к кровати.

Эмба отпрянула.

– Нет!

Очень быстро Никто приблизился, и рывком подняв её, швырнул на Орла.

– Нет! – взвизгнула Эмба, на её лишённом выражения лице, теперь явно читался страх. Она нервно огляделась, и взгляд её упал на дверь.

– Даже не пытайся, – сказал Никто.

Эмба метнулась к двери. Никто резко выбросил вперёд руку, пытаясь схватить её? Орёл видел, что было уже поздно. Эмба была невероятно быстрой, молниеносной как змея. Она была уже на полпути к двери, когда упала, рухнула как мешок, неуклюже, запутавшись в платье? Подняв голову, она раскрыла рот, зажмурившись, можно было решить, что она сейчас закричит что есть силы, закричит дико, громко. Но с её губ не слетело, ни звука.

– Кричать бесполезно Эмба, – усмехнулся Никто. – Сколько бы ты не кричала, «нечистые» тебя здесь не услышат. Этот замок строили грамотные люди, и эти стены глушат крики, таких как ты!

– Так вот зачем ты заманил меня сюда! – Она заметалась по комнате, в отчаянии царапая стены когтями. Не подпуская к себе Никто

– Тебя заманило сюда собственное любопытство! Я всего лишь предложил тебе приехать, и если сможешь помочь мне.

– Я помогла! Я сделала всё что положено!

– Мне этого не достаточно!

– Не приближайся! Не подходи ко мне!

– Тебе ничего не стоит сделать то, что я прошу! – невзирая на её яростное сопротивление, Никто всё же удалось схватить её, извивающуюся, брызгающую слюной. Он был сильнее, несколькими точными движениями, заломив ей руки, выхватил нож, и полоснул Эмбу по запястью. Тёмная, бордовая, почти чёрная кровь фонтаном брызнула из пореза.

– Ну, тебе это даром не пройдёт! – зашипела она, захлёбываясь от ярости и боли, казалось только один её полный ненависти, не мигающий взгляд, способен уничтожить.

– Делай, что я сказал! – Никто снова швырнул её на кровать к Орлу. Орёл в ужасе отпрянул.

– Ну, ты ещё пожалеешь об этом! На! – Эмба протянула к нему свою разрезанную, окровавленную руку. – Жри гадёныш!

И тут же Орёл почувствовал, как Никто хватает его за волосы, давит на затылок и толкает вперёд, к этой мерзкой руке.

– Нет! – Орёл попытался вырваться. Его губы коснулись тёплой и сухой кожи, и ещё чего-то холодного и липкого. Он ощутил, как его желудок подпрыгивает к горлу от одуряющего омерзения. Почувствовал, как Никто запрокидывает его голову вверх, не давая ему исторгнуть из себя эту слизь, которая уже попала в его рот. Уже потекла по его горлу. А к его губам уже снова прижимали ЭТО, и Орёл кричал, выблёвывая ЭТО из себя, и каждый раз его рот заполняли ЭТИМ снова и снова.

Глава вторая. «Выздоровление»

Он шёл по улице, похоже, что это был «Нижний». Слишком узкие улицы и давящие нагромождения домов. Улицы не поднимались то вверх, то вниз, и не петляли, значит, похоже это был уже равнинный уровень. Орёл никогда здесь не был, да и сейчас, был ли он действительно там, где ему казалось? И был ли это он? Орёл не понимал. Он даже не представлял себе, что подобные улицы существуют, он никогда не задумывался над тем как выглядит город там, на равнине. Да какая ему была разница? Но сейчас, сейчас всё выглядело уж слишком правдоподобно, по настоящему, и он, почему-то верил, что равнинный «Нижний» именно такой – такой и никакой другой. Он просто знал это, знал без тени сомнения и колебаний. Неужели его больной мозг, или воспалённое воображение смогли создать этот мир? Создать всё так тщательно до мелочей, до каждого камня, каждой трещины на облупившейся стене? Нет, это было бы слишком! Он не мог это придумать. Всё это было на самом деле, всё это было настоящим. И если он придёт в себя, очнётся, и поедет туда, к примеру, завтра, то он найдёт эти улицы. Увидит их опять, и узнает. Впрочем, что бы разглядеть их, ему приходилось вглядываться. Зрение подводило его, он не мог понять что происходит, в иной момент, совершенно теряя ориентацию в пространстве. Был яркий солнечный летний день. Он это понимал и чувствовал, и одновременно знал, что сейчас совсем не лето, а лишь начало весны, и он ни как не может быть там, в равнинном «Нижнем», да ещё и летним днём. И всё же он там был. Он почти ничего не видел, но он там был. И Орёл как крот медленно шёл неизвестно куда, всё время придерживаясь рукой стены. Дома здесь стояли впритык друг к другу, и когда один дом кончался, начинался следующий, это помогало ему. Несколько раз он прижимался к спасительной стене, пропуская пронесившихся мимо всадников. Они мелькали в его сознании как совершенно неразличимые силуэты, неясные тени, и он скорее слышал их приближение и вжимался в стену, чем видел их. И всё же, несмотря на все предосторожности, он пару раз чуть не упал, ноги не слушались его ничуть не меньше чем глаза. Боги, он был хромым! «Всё это мне только кажется! Только кажется! Мне кажется, что я – Никто! Я – он!» – подумал Орел, с каким-то ужасом и одновременно восторгом. Это было так странно, весь мир вокруг был другим, это был его мир, и одновременно не его, совсем чужой, но от этого, наверное, ещё более привлекательный.

Его тело тоже стало другим, более плотным, тяжёлым, более широким в плечах. Очень сильное тело, но какое-то неуклюжее, оно словно не работало, потому что ему была нужна «вода», «вода», «вода», «вода»... Сейчас он чувствовал, что давно не ел и не пил, но эти чувства были где-то на заднем плане, наверное, его телу это было нужно, но мозгу было всё равно. Его мозг был пуст. Никаких мыслей, чувств, эмоций, лишь какие-то отголоски мыслей, неясные обрывки, которые он не мог уловить и осознать. И полнейшее безразличие. Куда он идёт? Зачем? Орёл не знал. Не понимал. И ему было всё равно. Когда он был самим собой, он всегда знал что ему нужно, ну или, по крайней мере, думал что знает. Знал куда нужно идти и зачем. Что нужно делать. Он всегда, куда-то шёл, к какой-то цели, что-то делал, или не делал, но тоже думал об этом, одновременно уже думая, что будет делать дальше, что будет делать завтра, и что он должен сделать обязательно. И что он должен был сделать обязательно, но не сделал. И только сейчас он понял, как все эти знания грузили его и ограничивали. Ноги путались, он никогда в своей жизни не ходил так медленно, а невнятные пятна вокруг пугали его. Он не видел что происходит, и это было опасно, а если на него нападут? Странно, эти мысли не вызывали никаких эмоций, также как и мысли о том, что он голоден и умирает от жажды. Что

он практически слеп, а ноги не слушаются его. Такая отрешённость вызывала в Орле какое-то непонятное удовольствие, какое-то извращённое чувство свободы. Он, наверное, всё же на какое-то время потерял сознание, словно выпав из этой непрерывности, а потом снова очнулся, и понял, что на улице немного стемнело, и он лучше видит! И он слышит неподалёку журчание воды. Орёл пошёл на этот звук и вскоре очутился, в каком-то маленьком дворике, а почти посреди дворика он увидел колодец, и он пошёл к нему. Он не искал воду специально, просто так сложилось, что в этот момент ему на пути попался колодец. Он не говорил себе: «О, вот вода, сейчас я напьюсь, потом надо решить, что делать дальше, где заночевать, где раздобыть еды». Так сказал бы Орёл. Но он не был Орлом. Он вообще ничего не говорил себе. Он просто ощущал себя, и немного мир вокруг. Всё было не важно

– Эй! Эй!

Услышал он окрик, и поднял голову. Это была женщина.

– Не подходи сюда! – она махнула в его сторону рукой. – Ещё не хватало заразить воду! Проклятые бродяги! Дети бегите, позовите отца из лавки! Скажите, бродяга хочет загрязнить воду!

Маленькие неясные тени, которых он раньше не замечал, промелькнули мимо, они издавали какие-то крики. Странно, он понимал всё, что она говорила, но понимал, как-то не так, как привык понимать. Понимал словно сердцем, а не разумом. Понимал смысл, для него сливалось всё вместе – слова, её телодвижения, выражение её лица

– Не подходи к воде! Слышишь!

И он остановился. Совершенное безразличие продолжало владеть им. Разве Орёл оставил бы свои попытки вот так просто? Разве не стоило проучить эту нахалку? Как смеет она не пускать его к воде! Какая-то беднячка, простолюдинка. Как смеет она останавливать его, князя! Но... Но он не был князем! И он тяжело опустился на землю, непослушными пальцами в грубых кожаных перчатках, неуклюже поправил выбившиеся из под капюшона пряди волос, пряча их. А эта молодая женщина, стояла неподалёку и внимательно и настороженно смотрела в его сторону, видимо готовая, если понадобится защитить свой колодец от непрошенного гостя. Он не испытывал к ней ненависти. Не чувствовал и обиды. Может быть только лёгкое желание. Он её хотел. Хотел тупо, просто повалить и оттрахать. Всё, больше ничего. Просто потому, что она была женщина. Но в то же время он не сдвинулся с места. Он понимал, что нельзя вот так просто взять и оттрахать её. Что она его испугается и у неё есть защитники, которых она позовёт на помощь. Негнушимися пальцами он только поправил капюшон плаща, ещё сильнее натягивая его на лицо. Впрочем, лица не было, только сейчас к своему удивлению, Орёл почувствовал и понял что он в маске, неудобной и жёсткой. Странно, что он раньше не заметил этого, и почему-то, сам не зная почему, он испытал от этого облегчение. Облегчение от того, что его лицо закрыто, и эта женщина не сможет его увидеть. Облегчение и успокоение, все чувства были слишком мимолётны и не глубоки, потом снова безразличие. Невольно Орёл подумал что так, наверное, могло мыслить и чувствовать какое-нибудь животное.

– Ты кто? – спросила девушка, немного с удивлением, как ему показалось.

– Полукровка, что ли? Беглый?

Похоже, она не была столь жестока, как он решил вначале, потому что, зачерпнув воды в какую-то миску, она поставила её неподалёку от него.

– Пей. Только к колодцу не подходи.

Он потянулся к предложенной воде, миска была грязной, может быть, она предназначалась для собаки? Впрочем, ему было без разницы, он приподнял маску снизу, и прильнул губами к холодной, обжигающей горло воде. Пить было неудобно. Его рот был столь же испорчен, как и всё остальное, как ноги и глаза. С одной стороны губы не шевелились, и поэтому ледяная вода текла по его подбородку, затекая под одежду. Делая последние глотки, он сильно запрокинул голову назад, и понял, что она увидела. Увидела часть его лица. Его развороченную

с правой стороны нижнюю челюсть. Он увидел, как округлились её глаза, как она отпрянула, уже видимо жалея, что дала ему воды. И в этот момент, появились другие люди, мужчины. Это всё что он мог сказать про них, их освещали последние лучи заходящего солнца, и он не мог их разглядеть. Но страха не было, опять ничего.

– Что случилось? – спросил один из мужчин, он тяжело дышал, а в его руке была зажата палка.

– Вот. Хотел воды. Я испугалась, что он загрязнит наш колодец. Вы видите, как он одет?

И я права была, у него под маской там, какая-то дрянь на лице. Может проказа, или чума! Только бы он не оказался зачумлённым!

Они отпрянули от него, он всё понимал, но почему-то не испытывал ни малейшего желания ответить, он даже не сделал попытки что-либо сказать им. Просто попытался встать, и упал. А они отскочили от него ещё дальше.

– Точно больной! Только заразы нам не хватало!

– Я же говорю! Как только увидела, как он идёт к колодцу... Боги, Боги, ещё чего доброго заразит нас! – женщина принялась причитать, всхлипывая. Он действительно чувствовал её страх.

– Эй, ты! Убирайся отсюда! – мужчина угрожающе замахнулся палкой. У Орла был меч. Орёл знал что под плащом, за спиной у него пристёгнут меч, но не сделал даже попытки достать его, даже не пошевелился. И теперь, это безразличие, эта опустошённость, начинали его пугать. Нужно было действовать, а Никто, в теле которого он оказался, ничего не предпринимал.

– У него волосы белые, видите?!

– Может полукровка?

– С ума сошла! Таких волос не бывает, он седой наверное...

– А у полукровок?

– Он седой! Эй, старик, иди к храму, и там проси подавание, а здесь тебе не место!

– Но он не похож на старика!

– Что будем делать?

Они сгрудились все вместе, совещаясь. Он слышал лишь обрывки их фраз: «Нищий? Старик? Может он беглый? Полукровка? Чумной? Зараза».

И он поднялся. И пошёл прочь. А они, увидев, как неловко он подтягивает хромую ногу, отшатнулись от него ещё сильнее.

Они ничего не спросили у него, почему? Они терялись в догадках, но им даже в голову не пришло поговорить с ним. Неужели они тоже не считали его за человека, а сам он чувствовал себя человеком? Таким же, как эти люди? Они были словно в другом мире, словно за стеклом, и у него не возникало никакого желания разбить эту преграду и стать одним из них. Их отношение к нему не покорило его, не расстроило и не взволновало, Орел, наверное, почувствовал бы то же самое, если бы его облаял на улице бездомный пёс. Ну и что? Он бы тут же забыл про него. Такими же далёкими, чужими и не стоящими внимания были для него сейчас и эти люди. Просто данность. Глупо было бы реагировать на пса, столь же равнодушно он отнёсся и к унижению от этих людей. Он ничего не обдумывал, он его просто не заметил. Настолько ему было всё равно, что происходит с ним, и вокруг него. И Орлу стало вдруг не по себе. Он должен очнуться! Очнуться! Проснуться! И это была не свобода! Мнимая свобода! Это был плен! И он не Никто! Он князь Арел! Князь Арел, который думает, строит планы и обижается на людей, потому что они ему не безразличны и он один из них! И он не хочет больше быть другим!

– Я хочу быть снова собой!

И он закричал.

Твёрдые жесткие руки тормозили его. Крепкие пальцы, словно каменные, какая же в них была сила! Разогнут железные прутья решетки, если понадобится. Это Ник.

– Арел? – спрашивает он спокойным будничным голосом, он давно уже привык к тому, что Орёл часто вскакивает с криком по ночам.

И словно подтверждая, что всё как обычно Орёл вскакивает с кровати, несмотря на голокружение, от которого темнеет в глазах.

Никто снова укладывается на бок, утыкаясь изуродованной половиной лица в подушку, но не закрывает глаз, его глаза блестят в темноте, и он наблюдает, как Орёл зажигает свечи, шарит по столу, гремя бутылками.

– Что ты ищешь?

– Еду!

–?

– Мне плохо! Мне нужно поесть! Мне нужно привести себя в порядок! Я... Я не хочу, не хочу становиться таким как ты!

Никто зевает.

– Понятно, – говорит он равнодушно. Очередной бред Арела, что ж, он давно привык к этому.

– Чёрт! Здесь нет ничего! Ник!

– Арел, у нас здесь нет еды.

– А ты сам, когда ел?

– Вчера, мы ели...

– Ник! Ты голодный!

Никто тихо смеётся и ничего не говорит.

– Что ты ел?

Никто на секунду задумывается.

– Овощи, я не помню названия, они совсем сгнили, – он снова смеётся.

– Ты ел гнилые овощи?!

– Слуги их пожарили, все ели. И ты тоже.

Орёл делает движение головой, словно отгоняет от себя назойливую муху.

– И я?

– Да.

– А Энрики?

– И Энрики.

– Он кололся снова «водой»?

– Да, – отвечает Никто, не логичность вопросов Орла, его не смущает.

– Я обещал тебе золотые горы, когда принимал в команду, обещал прибыли, земли, рабов! А что в итоге! Гнилые овощи!

– Морковь.

– Что?

– Я вспомнил, там была морковь, и ...

– Перестань! Перестань, Ник, мне стыдно!

– Успокойся. Я неплохо поднял у Дима в Колизее.

– Ага! И всё отдал мне!

– Не всё. Просто чтобы восстановить улицы нужно много...

– Улицы! Улицы всё сжирают! А мои люди голодают! Я дерьмовый хозяин! И я сам голодный! Мне надо поесть! И выпить кофе, у нас есть кофе? Или воды на худой конец!

Никто слегка шевелит губами, словно проговаривая про себя новую фразу.

– Я ни хочу умирать! Я сейчас был живым трупом, ходячий труп! Это страшно! Я должен ценить своё тело, ухаживать за ним! Контролировать его! Мне надо поесть! Я хочу есть!

– Ну, так иди и поешь! Кто тебя держит! Только не ори здесь, среди ночи! – Никто пытается улечься поудобнее, закрывает глаза.

– Это было страшно! Это невыносимо! Я человек! Я хочу быть человеком! Это такое счастье, я этого не понимал! Мне надо помыться! От меня воняет!

Никто снова открывает глаза и издаёт вздох, усталости.

– Есть вода?– Орёл бросается в смежную комнату, гремит кувшинами.

– Ник! Позови слугу, пусть принесёт тёплой воды!

– Помойся холодной, а?

– Ты что издеваешься! Она ледяная!

– Арел иди в жопу!

– Почему так холодно! Почему не растоплен камин! Позови слугу!

– Что толку, если нет топлива.

– Топлива?

– Деревя! Дрова! Уголь, я не знаю...

– Ладно! Я сам! Я пойду вниз, и всё сделаю сам! Вы тут загнётесь без меня, от холода и голода и никто и пальцем не пошевелит, чтобы хоть что-то сделать!

– Я не чувствую ни того ни другого, Арел...

– Я знаю! Это меня и пугает! Я хочу чувствовать! Я хочу чувствовать голод, холод, всё! Все проявления и эмоции! Как человек, а не как собака подзаборная!

Никто смеётся.

– Что на тебя вдруг нашло?

– Ничего! Просто побыл немного не в своей шкуре!

– А в чьей? Собаки подзаборной?

– Нет! Ник! Я был тобой! И ... И это было неправильно, если ты так живёшь...

– Очередной глюк Арел...

– Я был бы рад этому! Пусть это окажется всего лишь дурным приходом, потому что, если это твоя жизнь, то это ад! Почему ты ничего не сказал им? Не объяснил? Хотя да, ты же не знал язык толком, они бы ещё больше испугались, и твой голос...

– Что объяснил? Кому?

Орёл бросается к нему, резко хватая, сжимая его лохматую голову в своих руках, прижимая к себе.

– Этим придуркам! Они тебя унижали! Боги! Как я люблю тебя! Почему не знаю! Почему я так люблю тебя? – он целует Никто в иссечённый лоб, в шрам. – Бедное, бедное моё существо! Бедное моё чудовище! Ты чудовище, Ник, ты знаешь об этом? И я тебя так люблю!

Никто безропотно позволяет ему тискать себя, сжимать в неуклюжих объятиях, дотрагиваться до шрамов.

Орёл отстраняет его от себя, разглядывая в колеблющемся свете свечей, его взгляд скользит по навсегда изрисованному до черноты телу, шее груди, рукам.

– Какой ужас, – говорит он негромко, и снова сжимает Никто в объятиях. – Какой ужас быть таким!

Он вдруг резко отстраняется, так как очередная мысль приходит ему в голову:

– А ты хотел бы быть таким как я? Не калекой? Хотел бы быть мной?

– Ты в моём сердце.

– Да! Точно! Я живу в тебе! А ты во мне! Поэтому я и ловлю такие приходы! Это ты сделал?

– Если тебя там что-то глючит про меня, то я здесь не причём!

– Я тебе сейчас верю, как ни странно, зачем тебе вкладывать мне в голову ТАКИЕ воспоминания! Я наверно действительно их сам словил, я был там, на этой улице в равнинном «Нижнем», у этого колодца!

– Колодца?

– Да! Я никогда не был на равнине, но если приехать туда, я найду это место! Клянусь, оно существует!

– Значит, ты был мной?

– Да!

– Ну и что, ты почувствовал себя демоном в человеческом обличье, или одержимым? – в голосе Никто сквозит не прикрытый сарказм.

– Нет! Чёрт! Нет! Но... Но там было много пустоты... Там было достаточно места... для... может быть Энрики и остальные не столь...

Никто закрывает его рот ладонью.

– Хватит! Я не помню никакого места, никакого колодца, и никаких людей, и мне это не нравится!

Орёл отшатывается ещё дальше.

– Может потому что тебя там и не было! Я был не тобой, я был кусочком того человечка! Вот почему это было так ужасно! Боги! Бедный, бедный этот человек! Не ты! Ты его просто выдавил из собственного тела!

– Всё иди к чёрту! Я боялся, что этим кончится! Ты хотел заняться хозяйством, так иди к слугам и займись! И оставь меня в покое! Оставь в покое меня, демона заселившегося в чужой домик! Видишь, какой я молодец! Видишь как мне хорошо!

– Вижу что не очень! Домик не слабо пострадал во время битвы за него!

– Значит, я подыщу новый! Всё! Ты это хотел услышать? Услышал? Теперь убирайся! Иди, поешь, ты действительно должен беречь своё тело, оно ещё пригодится. И не портить его, как тот другой, это всё равно ни к чему хорошему не привело, и ничем ему не помогло!

– Ты... ты ведь шутишь? – Орёл пытается засмеяться, перевести разговор в шутку. -

Пугаешь меня специально? Да? Ник? Милый...

– Милый? – на полумёртвых губах Никто играет невесёлая усмешка.

– Ну, прости меня, за те глупые слова про демона! – Орёл снова возвращается на кровать, склоняет голову, пытаясь прижаться к Никто поближе.

Никто убирает его руки.

– Прости меня! Накажи меня! Трахни меня! Это единственное что тебе нужно! Больше ничего!

– Ты ещё хочешь в мой домик?

– Всё! Разговор закончен!

– Ник...

– Мне помнится, ты кричал что голодный?

– Я уже ни хочу...

– Уйди Арел! Сейчас уйди!

– Я ни хочу!

– Я сказал, уходи!

– Ты мне приказываешь?

– Да!

– Как... как своему рабу?

– Да!

Орёл понуро отстраняется, опустив руки.

– Я... Я твой раб, а где остальные, где мой Лис, Косой?

– Вот заодно и проверишь остальных! Всё иди! Мне долго повторять! Мне встать?

– Нет!

И Орёл плетётся к двери:

– Ты меня любишь?

– Арел!

– Если останется, я принесу тебе немного гнилой морковки тоже... – и он уже смеясь, выскакивает вон, ловко увернувшись от полетевшей в него бутылки.

Орёл был послушным, тем более, что он на самом деле проголодался. Спустившись вниз к слугам, прямо на кухню, и сидя за огромным и пустым разделочным столом, он съел всё что ему принесли. Потом, взяв двух девушек, он спустился ещё ниже в подвалы замка, к горячим источникам, где в бассейне была тёплая вода. Когда-то так давно, что сам Арел этого не помнил, она подавалась прямо в комнаты наверху, когда-то... Наевшийся он чуть не заснул, пока рабыни мыли, расчёсывали его и натирали кожу ароматным маслом.

Уже светало, но, поднявшись наверх, Орёл к своему удивлению, услышал голоса. Его друзья громко переговаривались и играли в карты в маленькой гостиной наверху, где когда-то он развлекал Никто рабыней. По-видимому, они так и не ложились. Ставни на окнах не были убраны, и в комнате царил полумрак. В камине едко дымило парчовой обивкой разломанное кресло, давая больше вони, чем тепла. На полу выстроились целые батареи пустых бутылок из под вина. Здесь были: Лис, Косой и Тол с Эсой, и ещё несколько рабынь включая и Клер, рабыню Никто. Она тоже играла в карты. Вся компания была пьяна практически до невменяемости, и их перекошенные, осунувшиеся после бессонной ночи лица показались трезвому Орлу, просто дикими.

– Блядь, тупорылый Марч! Как ты раздаёшь?!

Услышал он голос Лиса, и замер не войдя. Лис обращался к Косому, и у Орла невольно сжалось всё внутри, он называл его так, как называли «чёрные» калек от рождения, считая их предвестниками вырождения и гибели «чёрной» расы. Это было обидное, унижительное прозвище, и Орёл никогда не позволял его использовать в отношении Косого или Никто.

Косой не ударил Лиса, как можно было ожидать, не дал ему, как сказал бы Тол: «В рыль-ник», нет, даже не изменившись в лице, он медленно собрал карты и начал раздавать их заново, и Орёл возненавидел сейчас Лиса за это.

Тол по своему обыкновению тупо заржал:

– А сам ты кто? – сказал он, обращаясь к Лису.

– Я полукровка ты дебил! По-лу-кро-вка!

– А что, полукровка не может быть, ну... им...

– Блядь, ты тупой, конечно может! Но я нет!

– А волосы?

– Что с моими волосами не так? Я «красная» полукровка, блядь, сколько можно объяснять это, поэтому у меня такие волосы!

– Тол, хочешь я тебе отсосу, чтобы ты не задавал глупых вопросов и не злил господина Атли Элиса? – спросила Клер.

– А что толку, рот то будет занят у тебя, а не у него? – Лис засмеялся.

Орёл отошёл от двери, он не стал заходить к ним...

Я наблюдал за ними, не из интереса, нет, они были не интересны мне, я наблюдал за ними скорее из чувства собственной безопасности. Как бы там не было, инстинкт самосохранения ещё срабатывал. Хотя нет, сначала я наблюдал за ними, потому что опасался (не боялся, нет), просто опасался, как я уже сказал, пресловутый инстинкт. У меня было чем защитить себя в случае надобности, и, не смотря ни на что, я ещё мог постоять за себя! Уж эти ублюдкам до меня не добраться! Впрочем, я вскоре убедился, что они и не собирались трогать меня. Они меня сторонились как прокажённого. Я лежал в углу на грубо сколоченном топчане, на матрасе, пропитанном моей же кровью, и меня словно не существовало. Они даже не смотрели в мою сторону. Презирали? Боялись? Я не знаю. Считали, что их это не касается, это не их дело. Им не нужны были лишние неприятности. У них и своих проблем было предостаточно,

чтобы ещё связываться и со мной! И надо отдать им должное, они разумно мыслили, со мной действительно не стоило связываться! Наверное, была бы их воля, они бы от меня избавились, но их воли здесь не было. Меня просто бросили к ним в камеру, после полугода одиночки, и им ничего не оставалось делать, как смириться с этим. Просто делать вид, что ничего не происходит, что меня нет, что меня не забирают на допрос вечером и не приносят утром без сознания. Нет, меня просто не существует. Хотя, когда меня приволокли к ним в самом начале, они подошли, я рухнул на пол, я был в таком состоянии, что не помню, говорили ли они что-нибудь. Кажется кто-то из них, особо умный сказал полусшёпотом: «Это племянник короля, отступник»

На самом деле я не племянник короля, как все считают, какие-то родственные связи между нами действительно существуют, но не столь близкие как приписывают. Просто люди склонны всё упрощать – родственник короля младше его по возрасту – племянник! Тем более что мы похожи внешне, как это для меня ни прискорбно! Просто все чистокровные чёрные похожи друг на друга. У нас общие древние предки, будь они не ладны! Потом они, кажется, перенесли меня на этот топчан, в самый дальний угол. Поначалу мне было не до них, а они, конечно, не могли не видеть всего этого. И хотя периодически врач делал мне вливания, чтобы я окончательно не загнулся, всё равно, думаю, это было не слишком приятное зрелище. Наверное, потом они привыкли. Поняли, что я не загнусь, мне не дадут, не отпустят так просто. А потом игрушка окончательно надоела, меня перестали таскать из камеры так часто, я получил передышку, и у меня появилась возможность соображать. И тогда я увидел их. Как я уже говорил, обратил на них внимание сначала из осторожности, ну а потом уже просто из интереса.

Они были из знати. Знатные преступники, угодившие в тюрьму, что может быть глупее! Впрочем, в большинстве своём, они были знатной опустившейся мразью. Верховодил один, уже довольно пожилой, и надо отдать ему должное, делал он это достаточно грамотно и даже справедливо. Остальные безропотно слушались его. Их было человек двадцать. Но не их главарь привлёк моё внимание, нет, среди них я вскоре стал выделять другого. Наверное, просто потому, что увидел, он также молод, как и я.

Он был самый молодой из них. Ему никогда не приносили передач, и не вызывали на свидания. Он был тих, и держался всегда как бы немного в стороне от всех. Я никогда не слышал его голоса. Другие не унижали его, но и не привечали особо. Я чувствовал какое-то отчуждение, какие-то границы между ним и остальными. Когда он снимал рубашку, я видел, что его спина была великолепно изодрана плетью, рубцы были уже зажившие, но не слишком давно. Один его глаз был всегда перевязан повязкой. Сначала я ждал, что через некоторое время он её снимет, но шли дни, а он по-прежнему продолжал оставаться в ней, не снимая даже на ночь. И я решил, что он одноглазый. Серьёзное увечье, и отчуждение других, по-видимому, не смотря на его молодость, ему тоже пришлось немало испытать. И это помимо возраста нас сближало ещё больше.

Он, молча, подчинялся установленным правилам, но никогда, не участвовал, ни в чём по собственной инициативе, предпочитая сидеть, скорчившись у стены, поджав колени к груди и уткнувшись в них лицом. У него были длинные волосы цвета воронового крыла, и, глядя, как они рассыпаются по его коленям, когда он прятал лицо, как они касаются пола, я страдал, потому что, мои когда-то длинные волосы, были безжалостно и позорно отрезаны, и сейчас только едва отросли до плеч. Я, наверное, завидовал ему, тому, что его волосы не тронули, тому, что его не обесчестили, так как меня, моя причёска сейчас была причёской простолюдина, а не знатного воина. Я ни хотел смотреть на него и не мог оторвать взгляд. Я завидовал ему какой-то глупой ребяческой завистью, хотя умом понимал, что завидовать нечему! У него было красивое бледное лицо, наверное, даже ещё немного детское, но уже не здоровое: осунувшиеся впалые щёки, совсем не по детски торчащие скулы, и губы сжатые в одну линию. Про-

ходило время, я окреп, а моё любопытство становилось всё сильнее. И вот, в какой-то момент, не знаю, что на меня нашло, когда он находился поблизости, я вдруг окликнул его.

Он обернулся, в его взгляде читалось удивление, но не испуг.

– Принеси мне воды, – попросил я, и добавил, испугавшись, что он не откликнется на мою просьбу. – Пожалуйста!

Он подошёл и молча поднял, валявшуюся рядом с моим лежаком, жестяную кружку. Потом отошёл, и я видел, как он налил в неё воды из кувшина. Он не спросил у старшего разрешения, и мне это понравилось. Потом он вернулся ко мне, и подал воду. Выражение его лица не менялось, оно оставалось застывшей маской.

– Присядь на минуту, – и я опять добавил. – Пожалуйста! И спасибо за воду!

Он, всё также оставаясь бесстрастным, присел на низкую скамейку рядом. Он не суетился и не боялся, он нравился мне всё больше и больше. Когда он подошёл я понял что мы одного роста, вблизи я разглядел, какой он молодой. У него было чистое идеальное лицо. Прямой аристократический нос немного искривлен переломом. А единственный глаз – светлый, серый. Так бывает и среди чёрных, редко, чаще, у тех, кто родом с юга, где проходят горы и много естественных порталов-ходов в «верхний» мир. Я спросил его, какое сегодня число, он ответил, и у него был глухой низкий голос, голос уже мужчины, а не мальчика с прелестным лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.